

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФОН РЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА В АБХАЗИИ¹

Введение

Я хотел было начать статью с фразы: «Конфликт в Абхазии, Грузия, который достиг своего апогея в гражданской войне 1992—1993 гг., ждет своего решения», но сразу понял, что, поскольку у участников конфликта разные мнения, терминология может не совпадать. Например, уже первая строка может вызвать протест у представителя этнических абхазов, который может не согласиться с формулировкой «Абхазия, Грузия», хотя эта формулировка присутствует во всех резолюциях Совета Безопасности ООН по данному конфликту; а термину «гражданская война в Абхазии» некоторые предпочли бы «грузино-абхазскую войну». Но все войны, которые идут на территории одного государства, между гражданами (или, хотя бы, между постоянными жителями) того же государства — по сути дела гражданские, вне зависимости от того, носят ли они классовый, идеологический, религиозный или этнический характер. А с 1992 г. Республика Грузия признана международным сообществом как независимое государство в границах Грузинской ССР и принята в ООН и, кроме того, в военных действиях в Абхазии с; обеих сторон участвовали (не вдаваясь в оценку — плохо это или хорошо) местные жители самых разных национальностей (правда, не все; и это, может быть, и неплохо).

Терминология, которая использована в данной статье такова: под «Грузией» подразумевается все государство в официально признанных границах, а под «остальной Грузией» — часть Грузии без Абхазии. Ситуация, сложившаяся в Абхазии с 1989 г. называется «конфликтом», война 1992-1993 гг. — «гражданской войной в Абхазии», сторонники отделения (сецессии) Абхазии от Грузии — «сецессионистами», а фактическое руководство сецессионистов — «Сухуми» или «сухумским правительством» и, симметрично, руководство Грузии — «Тбилиси» или «тбилисским правительством».

Говоря о мнении «абхазов» или «грузин», я имею в виду преобладающее общественное мнение соответствующих этносов, вполне допуская, что есть и довольно значительные группы, не разделяющие доминирующего мнения.

Поскольку с самого начала была поставлена задача — искать определенный консенсус, а не создавать дополнительные помехи для конструктивного диалога

---

¹ Статья подготовлена на основе доклада на конференции «Грузины и абхазы. Поиски согласия и роль международного сообщества». Брюссель, 12—14 июня 1997 г.

между представителями сторон в конфликте путем разбирательства «кто автохтон?», «кто начал первым?» и т.п., я намерен дать лишь свое мнение о географическом (в широком понимании термина) фоне конфликта.

То, что конфликт поставил обе стороны в трудное положение, вряд ли вызывает сомнение:

в Абхазии социальная и экономическая ситуация не улучшается, усугубляют положение экономические санкции (в просторечии именуемые блокадой), введенные по решению Совета глав государств СНГ 19 января 1996 г., запрещающие прямые экономические и другие контакты с сепаратистским регионом без разрешения правительства Грузии: снятие санкций увязывается с серьезными подвижками в деле урегулирования конфликта, в первую очередь с началом возвращения внутренне перемещенных лиц, в основном грузинской национальности, которые были изгнаны из региона в результате гражданской войны, и гарантирование их безопасности; за гражданскую войну Абхазия заплатила дорогой ценой жизни многих молодых людей и многими лояльными гражданами, вынужденными покинуть ее территорию; постоянно висящий дамоклов меч реванша заставляет держать под ружьем дорогостоящую армию — по российским источникам 72% бюджета расходуется на оборону [Максаков, 1997], а это вряд ли та ситуация, в условиях которой постоянно хотели бы жить люди;

в остальной Грузии, которая в 1993 г. была ввергнута сразу в две гражданские войны, унижена поражением от сепаратистов (здесь не место для анализа — почему и как) и вынужденным вхождением в СНГ и граждане которой постоянно видят большую массу голодных и обездоленных людей, не по своей воле перемещенных из Абхазии, могут возобладать идеи реванша, а это не лучшее решение вопроса.

Мой доклад основан на предположении, что с экономико- и политико-географической точек зрения раздел Грузии (что в конечном итоге является реальной целью сепаратистов, несмотря на «промежуточные компромиссы») невыгоден как грузинскому, так и абхазскому народу и другим народам, населяющим Абхазию, а с культурно-географической точки зрения не существует непреодолимых препятствий для нахождения общих точек соприкосновения. Международное сообщество также заинтересовано в сохранении территориальной целостности члена ООН и, конечно, в соблюдении прав человека и этнических меньшинств.¹ Соответственно общественному мнению как в Абхазии, так и в остальной Грузии, очевидно придется привыкать к мысли, что находиться в едином государстве — в общем экономическом и политическом пространстве — в конце

концов будет выгоднее для обеих сторон, нежели в бесконечной конфронтация. Вместе с тем со всей серьезностью следует принимать во внимание психологические проблемы разных общин, которые резко обострились во время гражданской войны и после нее.

Ниже я хочу кратко охарактеризовать экономико-географический, культурно-географический и политико-географический фон, на котором развивался конфликт. Конечно, география не является ни единственным фактором конфликта, ни полным гарантом его решения, но она может помочь в объяснении причин его возникновения и, что более важно для нас, предусмотреть отдельные трудности при реализации разных вариантов решения конфликта.

Экономико-географический фон

Географическое положение Абхазии весьма выгодно и предопределяет также и ее геополитическую значимость. Расположенная вдоль побережья Черного моря (однако основные порты Грузии — Поти, Батуми, строящаяся Супса — находятся южнее, в пределах остальной Грузии), Абхазия имеет определенное преимущество перед северокавказскими республиками Российской Федерации, лишенных выхода к морю. После того как родственные абхазам убыхи и адыги, ранее занимавшие Черноморское побережье к северо-западу от Гагры почти до Азовского моря, в 1860-х гг. были вытеснены царизмом, абхазы остались единственным, кроме грузин, автохтонным народом Кавказа с выходом к открытому морю (как известно, Каспийское море на самом деле озеро). Это дает Абхазии возможность существенной нейтрализации экономических санкций со стороны СНГ. Блокада побережья как составная часть экономических санкций, осуществляемая российскими военными судами, носит скорее символический характер — экономические контакты, например с турецкими портами, практически не прерывались: по сведениям российских СМИ, МИД Российской Федерации утверждает, что за минувший год более 75 судов были разгружены в Сухумском порту [Харкет, 1997].

Через Абхазию проходит единственная железная дорога, соединяющая Центральное и Западное Закавказье с Россией. После ее закрытия в связи с гражданской войной Абхазия превратилась в железнодорожный тупик, а Россия лишилась железнодорожной связи, как со своим стратегическим партнером, Арменией, так и со своими военными базами в Закавказье. Восстановление этой дороги (что Тбилиси также увязывает с урегулированием конфликта) будет весьма

выгодно для всех сторон, в том числе и для экономики Абхазии.

Обладая уникальными для СССР природно-климатическими ресурсами, Абхазия в советское время превратилась в крупную рекреационную зону и производителя таких сельскохозяйственных продуктов, как цитрусовые, чай и табак. Эти услуги и товары были ориентированы почти целиком на емкий советский рынок, отчасти и на рынки стран СЭВ, защищенные от внешней конкуренции, а ныне почти потерянные. Будет очень трудно восстановить доступ на эти рынки, не говоря уж об их расширении, если конфликт останется нерешенным.

В Абхазии относительно мало минеральных и топливно-энергетических ресурсов. Даже довольно многочисленные и многоводные реки нелегко использовать для энергетических целей, так как строительство плотин на них резко сократит твердый сток, что отрицательно повлияет на пляжный баланс и подорвет рекреационные ресурсы. Так, например, строительство каскада ГЭС на реке Бзыбь повлечет за собой разрушение мыса Пицунда с крупным курортно-туристическим комплексом. То, что удельный вес Абхазии в производстве электроэнергии Грузии значителен (более трети), почти полностью достигается за счет перепадных ГЭС Ингурского каскада, находящихся на юго-востоке Абхазии, в Гэльском районе, куда вода поступает из резервуара, расположенного целиком на территории других провинций Грузии. Эксплуатация данных ГЭС предполагает неизбежное экономическое сотрудничество и в настоящее время, и в будущем.

Объемом промышленной и сельскохозяйственной (кроме чая и цитрусовых) продукции Абхазия не выделялась даже на фоне Грузинской ССР, обладавшей средним, по советским меркам, хозяйственным потенциалом. Так, например, в 1990 г. Абхазия, занимая 12,5% всей территории и концентрируя 9,8% всего населения Грузии, произвела 5,8% всей промышленной продукции и 5,1% товаров народного потребления. По производству сельскохозяйственной продукции показатели выглядели лучше: в среднем за 1985—1990 гг. на долю Абхазии приходилось 12,5% общереспубликанской продукции. Достигалось это почти целиком за счет цитрусовых (43% производства в колхозах и совхозах и 29% от государственных закупок; значительная часть закупаемых цитрусов выращивалась в частном секторе остальной Грузии) и чая (20% производства и 18% закупок). По основным же продовольственным культурам и большинству продуктов животноводства Абхазия не удовлетворяла свои потребности, производя в 1985—1990 гг. 6,6% зерновых, 5,1% овощей, фруктов (без цитрусовых), 0,8% винограда, 9,3% мяса, 5,3% молока от общереспубликанского производства в колхозах и совхозах (все вышеприведенные показатели рассчитаны по источнику [Социально-экономическое положение

регионов Грузии, 1991]).

Вышеотмеченное отнюдь не означает, что «Абхазия была очень бедна» и «остальной Грузии приходилось ее содержать»: на самом деле показана картина географического разделения труда в определенный период, которую в новых условиях будет трудно восстановить. В советский период в продовольственном самоудовлетворении Абхазии не было необходимости, поскольку расходы на ввозимое продовольствие с лихвой перекрывались доходами от более дорогостоящей продукции субтропического земледелия и туристическими услугами (реально такие расчеты не велись, поскольку в СССР снабжение, как и все прочее, было централизовано).

После гражданской войны экономический кризис не пошел на спад. Нынешнее тяжелое экономическое состояние Абхазии усугубляет то, что резко сужаются рынки сбыта продукции субтропического земледелия и туристических услуг: основными причинами являются возросшая конкуренция на международном уровне и экономические санкции. Но даже снятие санкций не сможет полностью восстановить потоки туристов из России, если не будет достигнут прочный мир. Пока трудно судить, насколько эффективны эти часто нарушаемые санкции с политической точки зрения, но экономике Абхазии и материальному положению многих слоев населения они явно наносят ущерб.

То, что Абхазия может содержать армию в условиях, когда экономика в основном опирается на натуральное сельское хозяйство, а; экономические санкции теоретически не разрешают экспорт, позволяет допустить наличие неофициального и весьма существенного канала внешней, отнюдь не гуманитарной, помощи, которая позволяет поддерживать военный потенциал Абхазии, и/или нарушение санкций со стороны тех же сил, которые призваны следить за их соблюдением. Но в любом случае ситуация не дает возможности проводить реальные экономические реформы.

Из-за резкого уменьшения населения Абхазии (по разным оценкам — наполовину или много больше) сельскохозяйственных угодий теоретически должно хватать для достижения самодостаточности. Если гипотетически допустить, что изгнанное население так и не вернется к своим очагам, то проблема, скорее всего, будет состоять в нехватке капитала и рабочей силы, а не в нехватке земли. Но автаркия вряд ли может быть самоцелью в преддверии XXI столетия.

Для структурных сдвигов в хозяйстве Абхазии или хотя бы для частичного восстановления той экономической структуры, которая там была до начала 90-х годов, т.е. туристического бизнеса, субтропического и пригородного земледелия, не говоря уже о восстановлении жилого фонда, транспортной, социальной

инфраструктуры и т.п., кроме больших капиталовложений, необходимы будут куда большие трудовые ресурсы, чем те, что остались там после гражданской войны. Именно малочисленность трудовых ресурсов может оказаться основным осложняющим фактором будущего экономического развития Абхазии.

Уменьшилось и все население: по данным сухумского правительства на начало 1997 г. на территории Абхазии насчитывалось «более 300 тыс. жителей» [Крылов, 1997] по сравнению с 535,6 тыс. населения в 1989 г. [Социально-экономическое положение, 1991, 3]. Число «более 300 тыс.», подразумевающее, что около 240 тыс. стали вынужденно перемещенными лицами (ВИЛ) внутри государства или беженцами, может оказаться преувеличением, но если оно верно, то удельный вес этнических абхазов во всем населении (менее 100 тыс. до начала конфликта) не может превышать одной трети. Уже в 1993 г., сразу после окончания боевых действий и практического завершения вытеснения большинства грузинского населения (многими это квалифицируется как «этническая чистка»), сухумское руководство заявило, что абхазы не допустят, чтобы они снова стали меньшинством в собственной стране [Ротарь, 1993]. По некоторым оценкам, после изгнания или бегства многих жителей, этнические абхазы превратились в большинство, 65% [Corley, 1997]: если эта оценка верна, тогда все население должно составлять менее 150 тыс. человек. Но в любом случае уменьшение количества трудовых ресурсов явно налицо.

Если теоретически допустить, что Абхазия станет моноэтническим (абхазским) государством, она не будет способна обеспечить рабочей силой даже ведущие отрасли хозяйства. По данным переписи населения 1989 г., занятое (экономически активное) население в Абхазии составляло 260 042 человек, а занятое этнически абхазское население (по всей Грузии; данные отдельно по Абхазии не указаны, но они должны быть меньше на 1-2 тыс.) — 47 954 человек (среди них было занято умственным трудом — 15 694, а физическим трудом в сельском хозяйстве — 12 228) [Занятость, 1992, 74, 196, 200]. При отсутствии новейших данных можно с достаточной уверенностью допустить, что за прошедшее время трудовые ресурсы этнических абхазов остались в лучшем случае на прежнем количественном уровне, или скорее всего, уменьшились из-за войны и эмиграции. Только для восстановления до уровня 1988 г. (это был последний год без открытой конфронтации в Абхазской АССР) потенциально наиболее доходной отрасли для Абхазии — туристическо-рекреационного хозяйства (включая как непосредственное обслуживание, так и инфраструктурные отрасли, такие, как промышленные, транспортные, сельскохозяйственные, торгово-бытовые, культурно-зрелищные) —

по самым скромным подсчетам потребуется не менее 40 тыс. занятых, а при улучшении и расширении сервиса — в несколько раз больше. Уже сейчас населения не хватает, чтобы экономика заработала [Henze, 1995]. Это подразумевает необходимость привлечения дополнительных (этнически неабхазских) трудовых контингентов. Я отнюдь не намекаю, что эти трудовые ресурсы автоматически должны быть из числа этнических грузин и что без последних не удастся восстановить хозяйство. Здесь лишь констатируется, что в условиях экономического роста в Абхазии неизбежно использование полиэтнической рабочей силы и сохранение гетерогенного населения.

Вряд ли правильно утверждать, что какая-либо страна, получив юридическое признание как независимое государство, не сможет прожить в условиях конца XX в. Российские национал-патриоты предрекали Новым независимым государствам (ННГ) большие экономические трудности и чуть ли не голодную смерть без обращения за помощью к бывшей метрополии. Например, в 1994 г. тогдашний председатель комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками Государственной думы произнес по адресу ряда ННГ «крылатую фразу»: «Стать нашими сателлитами или умереть» [Ротарь, 1994]. Но, фактически закрыв железнодорожное сообщение через Чечню и позволив сецессионистам отгородить себя от трех государств Южного Кавказа, Россия смогла достичь лишь того, что эти государства, установившие новые экономические связи, выжили и научились жить без бывшей метрополии. В настоящее время Грузия (без учета Абхазии) явно движется в сторону рыночного хозяйства; процесс приватизации протекает довольно быстро; обеспечивается стабильность новой валюты — лари, введенной в 1995 г. (в Абхазии по сей день имеет хождение русский рубль); несмотря на серьезные трудности, проявляются контуры экономического возрождения. Все эти сдвиги происходят с помощью международного сообщества.

Этот пример мог бы вдохновить и сецессионистские регионы: местная элита может утверждать, что и сверхмалые государства, которые могут образоваться на их территориях, способны выжить и даже процветать. Однако нормальное экономическое развитие возможно лишь через контакты с внешним миром, что может быть достигнуто только после полного политического урегулирования (под которым подразумевается восстановление территориальной целостности Грузии и конституционные гарантии государственности Абхазии внутри грузинского государства). В таком случае Абхазия смогла бы воспользоваться теми благами, которое единое государство получит от своего транспортно-географического положения. Речь может идти о расширении транспортного коридора Средняя Азия

— Европа за счет Абхазии. Планируемая железная дорога вокруг Черного моря и транспортный коридор Север — Юг предполагают включение и территории Абхазии.

Конечно, можно допустить, что существует вариант экономического развития Абхазии внутри или с особой помощью иного, более крупного государства. Этот вариант в настоящих условиях вряд ли корректно рассматривать, он возможен лишь в случае определенного (явно безответственного) политического решения: если какое-то государство будет готово бросить вызов международному сообществу, признав независимость или взяв под опеку сепессионистский регион, который Грузия считает своей составной частью, ссылаясь, не без оснований, на международное право.

Культурно-географический фон

Для понимания культурно-географических аспектов конфликта определенное внимание надо уделить вопросам этнической динамики и отношения к ней общественного мнения.

Численность этнических абхазов, которая ранее характеризовалась колебаниями [Gachechiladze, 1995], с 1950-х годов имела явно восходящую тенденцию: их удельный вес в населении автономии повысился с 15,1% — в 1959 г. до 17,8% — в 1989 г. (в абсолютных цифрах — с 61,2 до 95,3 тыс. чел.). В тот же период удельный вес грузин составлял соответственно 39,1% и 45,7%. Если в 1959 г. абхазы по численности были на четвертом месте среди национальностей автономной республики (количественно их превосходили еще русские и армяне), к 1989 г. они стали вторыми.

При советской власти «титовая нация» как союзной, так и автономной республики получала определенные официальные и неофициальные преимущества представительства в управленческом аппарате, а в таком бюрократическом государстве, каким был СССР, это имело решающее значение во всей общественной жизни. Этнические абхазы в автономии имели представительство в руководстве в большей пропорции, нежели их удельный вес во всем населении [Slider, 1985, 54]. По отношению к абхазам — титульной нации, но количественно — меньшинству, проводилась определенная социальная политика [Kaiser, 1994, 362]. После восстановления независимости Грузии (1991 г.), ее первый, весьма националистически настроенный, президент согласился на формулу выборов в местный Верховный совет (парламент), при котором этнические абхазы получали

относительное большинство депутатских мест. Все выше отмеченное нельзя считать какой-то «излишней благотворительностью»: по моему мнению, абхазскому народу и впредь необходимо предоставлять специальные гарантии свободного развития.

Однако все это воспринималось местным грузинским населением как ущемление их прав как общины (речь не идет о «демократических правах», поскольку до демократии и сейчас далеко), в особенности на фоне требований этнических абхазов (еще во времена СССР) о выделении из Грузинской ССР в качестве отдельной союзной советской республики или присоединении непосредственно к РСФСР: такое развитие означало бы для местных грузин превращение в «фактическое меньшинство» в смысле легальных прав, а для Грузии в целом — потерю более 12% территории и около 10% населения. В жалобах же абхазов на имя советского руководства существование Абхазии в качестве автономной республики в составе Грузии объявлялось исторической несправедливостью, численное преимущество этнических грузин в Абхазии считалось намеренно созданным коммунистическим руководством Грузии, а репрессии эпохи сталинизма — чуть ли не специально направленными лишь против абхазов [Обращение, 1989]. Как правило, не было жалоб о непосредственной политической, социальной или экономической дискриминации этнических абхазов на уровне личности; коллективные жалобы касались лишь прав одной этнической общины при почти полном игнорировании прав других общин.

Не вдаваясь в дискуссию, насколько обоснованными были жалобы, хочу коротко представить соображения по поводу некоторых этнодемографических вопросов, имеющих территориально выраженный характер (культурно-географическое измерение).

Ценности или «идеи и верования, разделяемые членами общества, о том, что является важным и стоящим» [Eshelman, 1988, 69], у грузин и абхазов очень близки, хотя и не идентичны. В конфликте между ними чего-то вроде «столкновения цивилизаций» [Huntington, 1993] прямо не просматривается. Скорее наоборот, в определенном плане они имеют общее культурное и историческое наследие средних веков, когда представители грузинской династии Багратиони называли себя царями «абхазов и грузин», а само царство, охватывавшее территорию нынешней Грузии и с X в. имеющее самоназвание Сакартвело (Грузия), было известно в X—XIII вв. среди соседних народов как Абазгия (Абхазия).

С X вплоть до конца XIX в. языком богослужения для православных абхазов (они составляли абсолютное большинство среди абжуйских или очамчирских абхазов к югу от реки Кодори и значительную часть среди остальных абхазов)

служил древнегрузинский язык. Но для бзыбских (гудаутских) абхазов, которые частично исламизировались в поздние средние века, грузинский язык и культура являются чуждыми. Вместе с тем ислам не играет доминирующей роли в их социальной жизни: почти все истинные мусульмане-абхазы эмигрировали около 120 лет тому назад. Кстати, по восприятию грузинского населения, скорее всего ошибочному, именно бзыбские абхазы представляются главными сторонниками отделения.

Когда Российская империя интенсивно расширялась на юг и в начале XIX столетия вступила в Закавказье, эта территория, в том числе и Абхазия, необходима была империи скорее как военный плацдарм, а не пространство для экономического освоения. Лишь в последнюю треть прошлого столетия возрос экономический интерес к Сухумскому округу (как тогда называлась Абхазия). Не исключено, что по этой причине царизм решился на непосредственное присоединение ранее «автономного» княжества (1864) и резкое изменение этнической структуры населения Абхазии (по примеру Северо-Западного Кавказа, который был освоен русскими в основном после выселения адыгских народов в 1860-х годах). После спровоцированной царской властью (руку приложили и османское правительство и мусульманское духовенство, но совершенно не участвовали грузины) эмиграции в 1878 г. более половины, или 32 тыс. [Статистические таблицы, 1880], этнических абхазов в Османскую империю, из которых почти половина, кстати, вскоре вернулась обратно [Анчабадзе, 1976, 86], последовало заселение опустевших земель как «плановыми» славянскими переселенцами из Европейской России, так и армянами, греками и наименее желаемыми для царизма поселенцами — грузинами из соседних уездов или с юго-востока самого Сухумского округа [Анчабадзе, 1976].

В отличие от Северного Кавказа в Абхазии наиболее быстро возросло не славянское, а грузинское население, которое, проживая в аналогичных географических условиях, легче адаптировалось к природной среде побережья Абхазии, в то время в значительной мере зараженного малярией, а также высокогорья. Те же природные условия ограничивали приток русского населения (малярия была искоренена лишь в 1930-е годы). По данным административной статистики империи еще до Первой мировой войны грузины составляли относительное большинство в Абхазии [Проект, 1920, 89]. Кстати, в 1920-1940-х гг. условия для увеличения русского населения в Абхазии были не менее, а может и более благоприятные, чем для грузин: за межпереписной период с 1926 по 1959 гг. количество русских здесь увеличилось с 12 до 87 тыс. чел., т.е. в 7,2 раза, тогда как армян в 2,6, а грузин — в 2,3 раза [Тотадзе, 1993, 69]. Но возрастание удельного веса

негрузинского населения никогда не воспринималось абхазскими учеными как «демографическая опасность». Причину такого специфического отношения можно объяснить, если рассмотреть более широкий культурно-географический контекст.

Увеличение с конца XIX в. удельного веса грузин в Абхазии, происходившее одновременно с быстрой консолидацией грузинской нации и ростом ее национального самосознания, вызвало подозрительность царского правительства. Географический фактор был опять важен: грузинские провинции непосредственно граничили с Сухумским округом и в отличие, например, от греков или армян, чей основной ареал расселения был расположен много дальше, сплошной ареал расселения грузин расширялся и они становились прямыми конкурентами русских на этом участке побережья Черного моря. Эта демогеографическая тенденция в дальнейшем была искусственно превращена в одну из важнейших причин межэтнической напряженности, хотя грузины-поселенцы не вытесняли абхазов по той простой причине, что последних там уже не было и земля считалась как бы ничейной.

Империя сделала шаг в сторону поощрения абхазского национализма как противовеса грузинскому национализму, который сочли более опасным. С целью блокирования возраставшего грузинского влияния была предпринята попытка резкого культурного размежевания грузин и абхазов, чьи элиты до того имели много точек соприкосновения, в том числе были связаны родственными узами и дружбой. Характерным примером этой политики является докладная записка царского чиновника начала нашего века, которую цитирует известный абхазский историк Зураб Анчабадзе: «Абхазский язык, не имеющий письменности и литературы, обречен, конечно, на исчезновение в более или менее близком будущем. Вопрос в том, какой язык заменит его? Очевидно, что роль проводника в насаждении культурных идей и понятий должен бы играть не грузинский, а русский язык. Мне кажется поэтому, что учреждение абхазской письменности должно быть не целью само по себе, а лишь средством к ослаблению с помощью церкви и школы потребности в грузинском языке и постепенной замены его языком государственным» [Анчабадзе, 1976, 96]. В соответствии с этой политикой на базе кириллицы был создан абхазский алфавит (грузины используют собственный алфавит, созданный еще в V в.), и первая книга абхазской художественной литературы была издана в 1912 г. Создание абхазской письменности и становление абхазской нации следует только приветствовать. Речь идет лишь о том, что царское правительство вкладывало в этот положительный процесс имперский смысл «разделяй и властвуй».

В советский период сталинские репрессии коснулись всех советских народов почти в равной мере: потери грузин и, в частности, их интеллигенции пропорционально были не меньше, чем других наций. Трудно говорить об особой направленности террора против малочисленного абхазского народа: за два года, с января 1937 по 1939 г., т.е. в период особого разгара массовых репрессий, численность этнических абхазов возросла на 1,8% [Gachechiladze, 1995, 84]. Конечно, они тоже пострадали от тоталитаризма, особенно в 40-е годы и в начале 50-х годов, когда полное беззаконие советской власти по отношению к целым народам (депортация ряда северокавказских народов, крымских татар, поволжских немцев, месхетинских мусульман, понтийских греков и др., антисемитизм и т.д.) коснулось и абхазов, которых попытались в определенной мере ассимилировать с грузинами. Чтобы не было разночтений, я хочу выразить свое резко негативное отношение ко всему этому. Историческая память об этом, естественно, вредит взаимопониманию народов.

Вместе с тем, вопреки распространенному мнению, подобный процесс не был исключительным явлением, «инспирированным в Абхазии грузинами Сталиным и Берией», которые-де практиковали в Абхазии «грузинский шовинизм». Отнюдь не выгораживая эти личности, следует сказать, что, во-первых, Сталин, воссоздавая империю, не интересовался судьбами малых народов, ни грузин, ни абхазов, ни иных: если бы он счел, что абхазы создают опасность для ЕГО Империи, он занялся бы не длительным процессом их ассимиляции, а попросту приказал бы их депортировать, как, например, значительно более многочисленных чеченцев. Во-вторых, при Сталине аналогичные процессы шли и в других республиках: например, многие ираноязычные курды, таты, талыши постепенно ассимилировались с тюркоязычными азербайджанцами [Бромлей, 1988, 430], разрушилось этническое самосознание ингилойцев (грузин-мусульман) в тогдашней Азербайджанской ССР, хотя «отец народов» азербайджанцем не был. Шел процесс русификации некоторых угро-финских народов: как пишет известный русский демограф, «у народов автономных республик РСФСР... за период с 1926 по 1959 г. процессы перехода на другой язык, как правило на русский, в целом усилились. Доля сменивших свой родной язык особенно сильно увеличилась у мордвы (с 6 до 22%) и карел (с 4,5 до 28,7%)» (Козлов, 1975, 215).

Советская власть, не афишируя свою доктрину, считала, что малые народы или субэтноты должны «слиться» с более крупными, титульными нациями советских республик, с тем чтобы в дальнейшем «консолидировать» эти последние в некий советский «суперэтнос». В 70-е годы было объявлено о возникновении «новой

исторической общности — советского народа», который явно предполагалось сделать русскоязычным. К счастью, к этому времени массовые репрессии уже не практиковались, и режим не особо упорствовал в русификации «советского народа», хотя этот процесс и поощрялся. Русификация в значительной мере коснулась малочисленных народов, в том числе и абхазов, которые — в целом справедливо — считаются «русскоязычными» (в особенности это подчеркивается русскими «национал-патриотами», которые призывают «защищать их» вне границ России, что в восприятии других наций может, также справедливо — выглядеть «неоимпериализмом»).

Между тем на личностном уровне отношения абхазов и грузин даже во времена сталинизма были достаточно тесными. Об этом говорят многочисленные смешанные браки и ассимиляция определенной части грузин в абхазской культурной среде, в особенности в сельской местности. Очевидно и по этой причине значительное количество абхазов имеет грузинские фамилии и грузинские корни, что совершенно нормально и теоретически не должно вызывать каких-либо отрицательных эмоций. Кстати, процесс ассимиляции абхазов грузинами в автономной республике, по крайней мере с середины 50-х годов, практически не наблюдался. Если и происходила аккультурация этносов, проживающих в Абхазии, то только на основе русского языка. Последнее касалось большинства абхазов и многих из местных грузин: среди детей последних удельный вес обучающихся в русских школах был почти в 3,5 раза выше, чем в собственно Грузии [Тотадзе, 1993, 192], где большинство грузинских детей обучалось на родном языке. Фактическим языком межнационального общения в Абхазии был русский, и реально никто не навязывал грузинский в качестве такового (хоть он и считался государственным на всей территории Грузии).

Грузины и абхазы в автономии жили бок о бок, и их культурные и экономические контакты носили интенсивный характер. По данным на 1989 г., только Гэльский район был практически моноэтническим — грузины там составляли более 93%. В Гудаутском районе большинство составляли абхазы — 53% (армяне — 15%, и по 13—14% — русские и грузины), а в Гульрипшском районе грузины — 53% (затем шли армяне 25% и русские 13%; абхазы составляли 2,4%). В остальных городах и районах ни один из этносов не составлял больше половины: в Сухуми относительным большинством были грузины — 42% (затем русские — 22% и абхазы — 13%), в Ткварчели абхазы — 42% (по 24—25% составляли русские и грузины), в Очамчирском районе грузины — 40% (затем абхазы — 37%), в Сухумском сельском районе грузины — 44%; (армяне — 29%, греки — 10%,

русские — 7%, абхазы — 5%) и на территории Гагрского горсовета армян, грузин и русских было по 24-29%, а абхазов — 9% (все данные см. в: [Населенные пункты, 1990]).

Без моноэтнического Гальского района, места расселения грузинского субэтноса — мегрелов, на остальной территории Абхазии грузины в 1989 г. насчитывали 160 тыс. человек, или 36% всего населения, абхазы — 20%, а армяне, русские, греки и другие — 44%.

Можно сказать, что «грузинская демографическая проблема» для этнических абхазов являлась скорее относительной, чем абсолютной: их «поглощение грузинами» не являлось реальной опасностью. Лингвистический конфликт в реальности состоит в противостоянии | грузинского и русского языков, а не грузинского и абхазского. Реальная проблема скорее политическая, нежели демографическая. Об этом чуть ниже.

Гражданская война настолько серьезно углубила межнациональный конфликт, что представители разных общин говорят о невозможности совместного проживания в одном городе, селе, районе. Собственность многих семей разной национальной принадлежности была разграблена, сожжена или присвоена другими; некоторые дома, покинутые грузинами, сейчас заселены семьями других национальностей. Процесс восстановления гражданского мира скорее всего будет очень сложным и длительным. Возможно даже, что после возвращения беженцев и временно перемещенных лиц в Абхазию, раздельное расселение этнических общин может стать определенной панацеей в течение некоторого времени, чтобы дать зажить ранам и постепенно восстановить взаимодоверие на личностном уровне. А что такое взаимодоверие существовало, вряд ли можно оспорить.

Следует отметить, что стандартный стереотип абхаза среди грузин — положительный, поскольку он создан на основе классической грузинской литературы, где абхазы представлены как благородный, гостеприимный, храбрый народ. В разгар гражданской войны в собственно Грузии, в частности в Тбилиси, не наблюдалось антиабхазской истерии, не видно было каких-либо антиабхазских лозунгов; довольно свободная грузинская пресса часто акцентировала внимание на положительных штрихах в отношениях абхазов и грузин (даже во время боевых действий и последовавшей этнической чистки в Абхазии); многие зверства войны списывались, может и безосновательно, на пришлых, неизвестных «северокавказцев» и лиц иных национальностей, но не на абхазов.

Непосредственных контактов с абхазами у большинства грузин из остальной Грузии не было, если они не ездили в определенные районы Абхазии, поэтому-то

мифологизированные стереотипы оказались живучи. Напротив, большинство абхазов контактировало с грузинами. Но это обстоятельство само по себе не может способствовать созданию априорно отрицательных мнений народов друг о друге, тем более, что общекавказские традиции гостеприимства, соседской солидарности, застоля характерны как для абхазов, так и для грузин.

После прочтения вышеизложенного могут возникнуть вполне резонные вопросы: «Так в чем же дело? Неужели конфликт возник беспричинно? Ведь кто-то разжигал его? Опять виним только «руку Кремля»?»

Кремль, конечно, приложил свою руку. Но это не может полностью объяснить все причины конфликта, которые зрели в течение десятилетий и особенно обострились с 1989 г., когда абхазская элита подготовила обращение к Москве с требованием отделения от Грузии, подписанное многими этническими абхазами: это повлекло за собой эскалацию конфронтации вплоть до массовых беспорядков с жертвами. На поверхности конфликта лежат этнокультурные различия (но не они играли решающую роль), проблемы этнодемографической динамики (довольно частый аргумент абхазов), ущемленного национального самодлюбия (с обеих сторон). Ход мыслей абхазов мог бы быть схематично сформулирован примерно так: «Нас мало, а грузин много; они не дают нам нашу законную государственность; надо нейтрализовать их с помощью России, передав ей юрисдикцию на нашу территорию». Соответственно же местные грузины могли бы рассуждать примерно так: «Абхазы — меньшинство, но они притесняют нас, которые составляют большинство; они незаконно хотят создать свое отдельное государство за счет нашей территории или отторгнуть нашу землю в пользу России, где мы станем незащищенным меньшинством».

Хотя противостояние идей было налицо, но идеи, пока их не сделали достоянием масс и «руководством к действию», сами по себе не могут привести к конфликту, тем более военному: кому-то очень было нужно, чтобы идеи начали «работать на конфликт». Ясно, кому извне было выгодно, чтобы конфликт «хорошо разгорелся», в особенности после того, как грузинское национально-освободительное движение (или «грузинский национализм» [Kaiser, 1994]) стало набирать силу с конца 1987 г. и, по вполне обоснованному мнению кремлевских аналитиков, начало угрожать установленному в СССР порядку: в дело пошел старый имперский лозунг «разделяй и властвуй»! Но и для импортных семян конфликта нужна местная почва и еще больше — местные садовники. Какие-то внутренние силы сознательно должны вести дело к конфликту.

Легко обвинить в серьезном осложнении межэтнических отношений

интеллектуальные элиты — ученых (в первую очередь историков, профессия которых «постоянно беречь старые раны, дабы нация всегда была начеку»), в не меньшей мере — писателей и журналистов, которые, конечно же, не могут молчать, если «другая сторона что-то не так написала», и сразу апеллируют к общественному мнению, которое мгновенно накаляется. Причем, чем больший «патриот» писатель или ученый, тем менее обоснованно он может позволить себе выражаться, упирая в основном на эмоции. Это, кстати, касается обеих сторон, как абхазов, так и грузин.

Но все же более точной кажется довольно тривиальная версия, что в конфликте были заинтересованы больше всего этнические политические элиты (номенклатура), каждая из которых хотела иметь «большой кусок национального пирога»: подковерная драка бюрократических (номенклатурных) бульдогов разной масти в Абхазии всегда шла из-за высоких и, очевидно, высокодоходных должностей. А ученые и поэты всего лишь облагораживали эту драку.

В результате войны абхазской элите не надо делить власть ни с грузинами, ни с представителями любой другой национальности. В идеальном же варианте в демократических условиях при выборе лидеров основную роль должна играть не национальная принадлежность, а моральные и профессиональные качества политического деятеля. К сожалению, до такого идеального варианта очень далеко (впрочем, не только в Абхазии или Грузии, но и во многих достаточно развитых странах).

Политико-географический фон

Многие геополитические вопросы предпочтительнее рассматривать на региональном, общекавказском фоне.

В течение последних пяти столетий Кавказ был объектом спора и экспансии трех региональных сверхдержав — Российской (царской, советской), Османской и Персидской империй. Последние два столетия на Кавказе прочно доминировала Россия, превратившаяся в XX столетии в мировую сверхдержаву. Даже с распадом Советского Союза Россия считает Закавказье с его тремя государствами своим «ближним зарубежьем», в двух из них (Грузии и Армении) держит свои военные базы и сохраняет контроль над их внешними границами, реально ограничивая их суверенитет.

Естественно, что Россию, несмотря на ее иногда противоречивую и внешне непоследовательную политику, интересует собственная военная безопасность в регионе, и поэтому любые внутренние конфликты в Закавказье рассматриваются с

этой позиции. Влиятельные политики (но не все) в Москве, очевидно, считают, что конфликт в Абхазии реально не грозит безопасности России, поскольку обе участвующие стороны надеются преимущественно на помощь последней. Поэтому Россия может позволить себе поддерживать обе стороны в состоянии эскалации конфликта, а затем тянуть с его урегулированием, мотивируя это опасением осложнить отношения с народами Северного Кавказа, многие из которых весьма чувствительны к мерам, принимаемым по отношению к родственному народу — абхазам. С другой стороны, умные российские политики не могут не видеть, что пример абхазского сепаратизма, в случае его окончательного успеха, может повториться на российском Северном Кавказе: ведь известно, что лучшие чеченские бойцы боевое крещение приняли в гражданской войне в Абхазии, где они сражались бок о бок со многими этническими русскими военными (официально — отставными), а затем применили и их оружие и военные знания, приобретенные с их помощью, против Москвы.

Малым странам всегда приходится учитывать международные интересы в большей мере, чем доминирующим державам [Рондели, 1996] (хотя и последние обязаны принимать во внимание общие интересы). Поэтому отношения между центром такой малой страны и ее сепаратистскими регионами не всегда решаются на двустороннем уровне. Даже когда стороны — центр и сепаратистский регион малой страны — заявляют о «СВОЕМ твердом намерении», они на самом деле учитывают сложившуюся международную конъюнктуру и надеются использовать чью-то дополнительную силу в свою пользу. В этом плане, если быть объективным, у признанного государства обычно все же больше возможностей, чем у ее отколовшейся части: даже несмотря на возможные военные успехи, последней удастся противостоять ровно столько времени, сколько понадобится центральному правительству малой страны для улаживания своих отношений с более сильной державой, решившей сыграть роль «арбитра». А эти отношения могут быть улажены с помощью определенных уступок, сделок, либо с помощью соперников этого самого «арбитра». Конечно, этот процесс может занять много времени или же может вообще не состояться при весьма благоприятной ситуации для сепаратистов. Многое зависит от успешных дипломатических усилий.

В нашем конкретном случае не этнические или исторические причины, а геополитические и экономические являются важнейшими факторами конфликта, и они влияют на политику. Грузия оказалась единственной из восьми южных ННГ, имеющих выход к морю. Значительный участок евразийского транспортного коридора (по крайней мере в обозримом будущем) будет проходить через нее (не

исключено, что он затронет и территорию Абхазии). Если в интересах России будет получить выгоду от этого коридора, то политическая стабильность в регионе будет ей на руку. И наоборот, если это ей будет невыгодно, она может использовать козырь «этнических конфликтов», в особенности вблизи своих границ. К искусственному разжиганию последних открыто призывают российское правительство и некоторые московские политологи, не пожелавшие раскрыть свои фамилии [Содружество, 1997].

В нынешних условиях практически всем ННГ приходится лавировать, дабы не оказаться в прямой конфронтации с бывшей метрополией, где новая «доктрина Монро», если и не объявлена официальной исполнительной властью, то практически проводится властью законодательной [Тренин, 1996]. Геополитическое положение ННГ и их регионов в этом плане может объяснить многое: и международные отношения каждого из них, и практические результаты этих отношений.

Вполне естественно, что Абхазии, непосредственно граничащей с Российской Федерацией, на курортах которой традиционно проводила отпуск политическая и, что важнее, военная элита Москвы (по сведениям прессы, русские генералы и поныне пользуются или владеют недвижимостью на этих курортах [Московский комсомолец, 1997]), уделяется больше внимания, чем другим этническим регионам «ближнего зарубежья».

Россию не следует воспринимать в качестве какого-то «злого гения», который только и хочет нанести вред Грузии, или что Россия слишком велика, чтобы уделять достаточно внимания как Грузии, так, тем более, Абхазии. Непоследовательность ее закавказской политики — иллюзия: она хочет иметь безопасные границы, и искусственно создавать себе врагов, даже в виде малых стран, не в ее интересах. Россия предпочла бы привязать Грузию к своей политике и рассматривает Абхазию как «хороший крючок», с помощью которого она не позволит Грузии «далеко уходить». Но стратегическое партнерство с Грузией, если последняя будет постоянно чувствовать себя обделенной и униженной, — ненадежное партнерство. Очевидно у России просто «руки не дошли», чтобы урегулировать конфликт. Но чем дольше эти руки «не будут доходить», тем больше может оказаться других претендентов в стратегические партнеры.

Что касается других стран региона, их реальная возможность влиять на урегулирование конфликта пока ограничена. Турция, быстро выдвинувшаяся в качестве одной из лидирующих держав в черноморском регионе, если и заинтересована в расширении своего влияния на Кавказе, то не выражала намерения вмешиваться в то, что она рассматривает, как «внутреннее дело СНГ». Мировые же

державы, расположенные еще дальше от региона, сперва ограничивались лишь ролью стороннего наблюдателя. «В первые годы после окончания «холодной войны» западные правительства не смогли выработать четкую региональную концепцию Кавказа в рамках своей политики европейской безопасности. Их заинтересованность в регионе была маргинальной, а их кавказская политика находилась в зависимости от их отношений с Турцией и особенно с Россией» [Коппитерс, 1996, 217].

Но после осени 1994 г., когда интересы западных стран в разработке каспийской нефти стали резко возрастать, увеличился и их интерес к кавказской политике. Вопрос трассы для транспортировки нефти и строительства трубопроводов вышел за рамки чисто экономических решений и стал предметом большой политики. Существует вероятность выбора территории Грузии для маршрута нефтепроводов, жизненно важных для Запада.

Вместе с тем, как пишет тот же Коппитерс, «вопросы нефтяных богатств Каспийского моря и определение маршрутов нефтепроводов имеют двойные последствия. С одной стороны, они делают умиротворение этого региона путем международных соглашений более настоятельным. В то же время они повышают риск дестабилизации, порождая ожесточенную международную конкуренцию среди тех, кто пытается там закрепиться. В долгосрочном плане экономические интересы всех сторон, вовлеченных в кавказские дела, заключаются в окончательном урегулировании основных этнических конфликтов. Это не означает, что эти стороны готовы принять такое умиротворение без оговорок или что все они проведут внешнюю политику, основанную на примате экономических интересов» [Коппитерс, 1996, 5].

Новые политические реалии на Кавказе, очевидно, несколько увеличивают возможность внешнеполитического маневра для Грузии, Абхазия же может рассчитывать только на Россию, которой в свою очередь желательно «держать Грузию на абхазском крючке». Если необходимость в последнем отпадет, поскольку стратегическое партнерство с Грузией будет гарантировано и без этого, или Россия не сможет это делать, поскольку какие-то обстоятельства (например, внутренние сложности или активное вмешательство международных организаций) не позволят ей продолжить такую политику, то она может прекратить фактическую поддержку Абхазии. Скорее всего Россия так легко не расстанется со своим традиционным «крючком», но она может ослабить натяжение лески, тем более, что вполне вероятно появление экономической заинтересованности российского капитала в Грузии.

Для самой же Грузии диверсификация внешнеполитических ориентиров становится одним из главных приоритетов. Хотя и медленное, но твердое движение

в сторону демократизации, достижение внутренней политической стабильности, наличие признаков экономического возрождения, явная маргинализация радикального национализма способствуют возрастанию международного интереса к ней. Если ее внутренние конфликты разрешатся, это повысит инвестиционную ценность Грузии и может принести материальное благосостояние всем ее частям, включая Абхазию.

Очевидно, что ни одна из сторон не заинтересована в возобновлении войны. Для мирного же решения проблемы необходим непредубежденный и незаинтересованный посредник, в роли которого могли бы выступить международные организации или страны, географически отдаленные от зоны конфликта.

Что касается внутренней политической географии, то, с одной стороны, официальный Тбилиси определенно готов преодолеть резкую внутреннюю оппозицию идее федерализации Грузии и предложить Абхазии специальный статус (и дополнительные права и гарантии абхазскому народу) внутри единого государства — «асимметричной федерации». Признание же Абхазии (а точнее — этнических абхазов) и остальной Грузии двумя равноправными партнерами федерации (реально — конфедерации), что преподносится] как «уступка» абхазской стороне, практически равноценно признанию независимости Абхазии и неприемлемо как для официального Тбилиси, так и для грузинского общественного мнения. Кроме всего прочего, в Грузии есть и другие этнические регионы, которые пожелали бы получения аналогичного статуса, а это путь к распаду государства.

С другой стороны, понятно, что Сухуми не готов принять предложение о «специальном статусе», разрешить возвращение беженцам и внутренне перемещенным лицам (существует понятный страх перед ними, возвращающимися в свои разрушенные или заселенные другими семьями жилища). «Тяжесть победы» перевешивает любые экономические и другие предложения, основанные на разумности: местному общественному мнению, все еще находящемуся под влиянием эйфории «военных достижений», будет трудно объяснить необходимость реальных уступок, чтобы недопустить возобновления войны, тем более, что всегда есть надежда на то, что «невидимая рука старшего брата» придет на помощь в нужный момент. Однако вряд ли всегда необходимо, чтобы только поражение учило бы чему-нибудь: лица, принимающие решение, должны найти мужество посмотреть в глаза будущему, убедить свой народ и прийти к компромиссу.

Заключение

Из гипотез, рассмотренных выше, мне кажется более доказанным то, что единое экономическое пространство будет выгодным для всей Грузии, включая и Абхазию. Международное сообщество также предпочло бы иметь дело с единой Грузией, а не с несколькими слишком мелкими субъектами международного права, тем более, что раздел одной страны всегда раскручивает «принцип домино». Стабильность и мир в регионе — это залог безопасности иностранных инвестиций. Не исключено, что и Россия найдет для себя экономическую нишу в Закавказье. Кроме того, Россия сможет гарантировать свою стратегическую безопасность в регионе не конфронтацией с Грузией, а равноправным сотрудничеством с ней.

Теоретически не существует радикальных препятствий для нахождения общих точек соприкосновения между грузинским и абхазским народами. Однако ожидание быстрого преодоления психологических проблем сосуществования вряд ли оправдано: и так напряженные межэтнические отношения были серьезно ухудшены гражданской войной и ее последствиями вплоть до, будем надеяться, временной несовместимости проживания. Возможно, что на первых порах, когда беженцы и перемещенные лица вернутся в Абхазию, придется создать условия для временно раздельного проживания двух народов (например, в отдельных городах, селах, районах). В этом плане, конечно, особую помощь могут оказать международные полицейские силы.

Наибольшую проблему в разрешении конфликта создают геополитические расчеты третьей силы и вопросы политического статуса Абхазии. Восстановление территориальной целостности единого государства — цель тбилисского правительства, неприемлемая для сухумского. В деле урегулирования конфликта решающую роль могут сыграть международные организации и мировое сообщество в целом.

Библиография

Анчабадзе З.В. (1976), Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, Алашара.

Бромлей Ю.В. (ред.), (1988), Народы мира: историко-демографический справочник. Советская Энциклопедия, Москва.

Занятость населения Грузии. Статистический сборник. Часть II. (1992). Комитет социально-экономической информации Республики Грузия. Тбилиси [на грузинском языке].

- Козлов В.И.* (1975), Национальности СССР (этнодемографический обзор). Статистика, Москва.
- Коппитерс Б.* (1996), Введение и заключение, в: Бруно Коппитерс (ред.), Спорные границы на Кавказе. Издательство Весь Мир, Москва.
- Крылов А.* (1997). «Переговоры могут прекратиться по вине Тбилиси: такое мнение в интервью «НГ» высказал президент Республики Абхазия В. Ардзинба». Независимая газета, 5 марта.
- Максаков И.* (1997). Возобновление войны возможно. Независимая газета, 24 апреля.
- Московский комсомолец (1997). 10 июля.
- Населенные пункты и население Грузии. Статистический сборник. (1990). Госкомитет статистики Грузии. Тбилиси [на грузинском языке].
- Обращение [участников собрания в сЛыхны Гудаутского района] к Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР тов. М.С.Горбачеву. «Советская Абхазия», 24 марта 1989 г.
- Проект деления Грузии на новые административные единицы. Меморандум — статистические таблицы (1920). Государственная типография, Тбилиси [на грузинском языке].
- Рондели А.* (1996). Грузия в постсоветском пространстве. «Кавказские региональные исследования», N 1: 94-100.
- Ротарь И.* (1994). «Стать нашими сателлитами или умереть»: таково мнение о Ближнем Зарубежье Константина Затулина — Председателя комитета Государственной Думы по делам СНГ и связям с соотечественниками». Независимая газета, 5 мая.
- Ротарь И.* (1993). Даже регулярные войска иногда мародерствуют: интервью с В. Ардзинба. Независимая газета, 15 октября.
- Содружество независимых государств: начало истории или конец. (1997). Независимая газета, 26 марта.
- Социально-экономическое положение регионов Грузии. Статистический сборник. (1991). Комитет социально-экономической информации Республики Грузия. Тбилиси [на грузинском языке].
- Статистические таблицы населения кавказского региона (1880), в: Н. Зейдлиц (ред.), Сборник сведений о Кавказе, Том VII, Типография Главного Управления Наместника Кавказского. Тифлис.
- Тотадзе А. (1993). Демографический портрет Грузии. Самшобло, Тбилиси [на грузинском языке].

Тренин Дмитрий (1996). Интересы безопасности и политика России в кавказском регионе. В: Бруно Коппитерс (ред.), Спорные границы на Кавказе. Издательство «Весь Мир», Москва: 102-115.

Харкет Б. (1997). Контур документа проясняются. Независимая газета, 17 июня.

Corley F. (1997). Peoples on the Move. War Report, No 48, January-February pp 22-23.

Eshelman R.J., B.G. Cashion, LA Basirico (1988). Sociology: an Introduction. 3rd Edition. Harper Collins.

Gachechiladze R. (1995). The New Georgia: Space, Society, Politics. UCL Press, London.

Henze P.B. (1995). Georgia and Armenia: Troubled Independence. Eurasian Studies No 2: 25-35.

Huntington S. P. (1993). The Clash of Civilizations? «Foreign Affairs», New York, Summer. 22-49.

Kaiser R. J. (1994). The Geography of Nationalism in Russia and the USSR.

Princeton University Press, Princeton, New Jersey. *Slider D.* (1985). Crisis and Response in Soviet Nationality Policy: the Case of

Abkhazia. «Central Asian Survey» 4(4): 51-68.